

— Утро первого дня выборов началось для меня с аварии, катастрофы даже, можно сказать: разбилось левое стекло моих очков. Оправа у меня была клееная уже давно, всё собирался заменить, да никак не мог собраться. А тут на морозе она треснула по склеенному месту, но стекло держалось. До поры, до времени.

— Утром эта пора ему вывалиться и наступила, когда я чистил зубы. Стекло выпало в раковину умывальника и разбилось. Кошмар. Без очков я как без рук. Хуже - как без глаз. И надо же - сколько лет не бил стёкла, а тут подгадал, в самый момент подходящий. Что же делать-то?

— У Мингалёва можно будет попросить на время выступления, но у него слабенькие очёчки, с такой близорукостью, как у меня, я не знаю здесь никого. Может, в "Оптику" успею заскочить? Вдруг готовые найдутся? Где-то здесь была в центре "Оптика".

— Из гостиницы пятеро кандидатов в директора вышли дружною толпой. Ночью подъехали из "Апатит" Лазутин, Ляцкий и Мингалёв, они тоже поселились в "Арктике", а утром мы с Пивоваровым присоединились к ним в вестибюле. Кравцов с опекавшим его Черноусом держались (и добирались до места сбора) отдельно. Не было с нами, разумеется, местных, мурманских кандидатов - Горохова и Терещенко.

— Компания села в троллейбус, а я поскакал пешком по проспекту Ленина. Пивоваров сказал, что тут где-то он видел "Оптику" неподалёку, апатитяне же ничего определённого сказать не могли.

— "Оптика", действительно, оказалась недалеко от гостиницы и была, как ни странно, уже открыта (шёл десятый час утра, собрание было назначено на десять). Мало того, там оказались и готовые очки со стёклами -5.5! Слабоваты, но ненамного слабее, чем нужно (-6.0 и -6.5). Оправа больше похожа на женскую, не очень идёт мне, стёкла круглые, большие, но до красоты ли тут!

— Я, не раздумывая, заплатил десять рублей и - в очках! - вскочил в троллейбус. Ехать было недалеко. Для выборов был арендован зал в Доме офицеров, в центре города. К началу я не опоздал. Явился тютелька в тютельку. Народ весь был уже в сборе, нарядившись как на праздник. Впервые ведь директора выбирают.

— *27 января 1989 г., кирха*

— Собралось около 200 человек: мурманчане, лопаряне, ловозерцы (во главе с Васей Селивановым), от завлабов до сторожей и уборщиц. Председательствовал на собрании Власков, как всегда взъерошенный, с воспалёнными от неустанной борьбы последних месяцев и дней глазами.

— Два часа (!) потратили на процедурные вопросы. Ужас! По какому только поводу не поднимался гам! И не в массе народной, а в передних рядах, где сидели "начальники". Громче и нервнее всех кричали Волошинов, Перцовский и Терещенко-старший, который Учёный секретарь.

— Опять начали спорить по процедуре голосования, отмечать или не отмечать на бюллетенях научно-технических работников, и кто такие - НТР? Администрация, по её собственному признанию, не в состоянии (!) определить, кого отнести к этой категории.

— Горохов вдруг начал зачитывать клязу на сотрудника собственной лаборатории, избранного в счётную комиссию, и требовать его отвода.

— Спорили - когда, кому и где подсчитывать голоса (с учётом предстоящего второго собрания в Апатитах). По каждому вопросу голосовали, тщательно подсчитывали голоса "за", "против" и "воздержавшихся". Если сумма не сходилась с числом зарегистрированных участников, пересчитывали снова.

— Наконец, договорились: голосовать по каждому кандидату (что и было уже принято прежде), в бюллетенях пометок не делать (в пику апатитянам), кандидатам выступать по жребию.

—Провели жеребьёвку. Я первым тянул конверт, и мне выпало выступать предпоследним - седьмым.

—Открывал концерт Витя Мингалёв. У него в выступлении прозвучала, между прочим, такая мысль: научные интересы Мурманска и Апатит не пересекаются (!?), поэтому, мол, делить нечего, давайте жить автономно. А я для себя пометил в блокноте: это-то и плохо, что не пересекаются.

—Вторым выступал Пивоваров. Выступил он блекловато. Оправдывался, что плохо пока знаком с институтом, делал реверансы в сторону АХЧ, обещал подкормить народ кооперативами. Заявил, что не видит особого смысла в том, чтобы объединить всех под одной крышей. Вопросов, между прочим, кандидатам задавали мало, что отчасти означало - и так всё ясно уже.

—Третьим выступал Кравцов. Отбубнил своё про диагностический комплекс и вступил в полемику с Витей Мингалёвым по поводу Красноярской РЛС (Витя намекнул, что она может быть использована ПГИ в научных интересах) - её, мол, следует порушить, ибо американцы всё равно не дадут её использовать, как нарушающую Договор по ПРО, но прежде подождут, пока мы не потратимся, как следует, на её переоборудование под научные задачи, разорить нас хотят, гады.

—Четвёртым выступал Слава Ляцкий. Речь его была поэтически вдохновенной, страстной. Начал он, разумеется, с того, что такое перестройка ("возврат к универсальным ценностям"), какое великое дело - борьба за демократию, а потом перешёл к своей научной программе, суть которой состояла в том, чтобы за два года ("я прошу у вас - дайте мне два года, а потом, если я не оправдаю ваших надежд, выберете себе другого директора") вывести ПГИ в мировые лидеры, стать инициатором крупных проектов (у него, Ляцкого, их целых семь заготовлено!), сделать ПГИ мировым центром изучения авроральной геофизики, чему благоприятствуют уникальное географическое положение ПГИ (в цивилизованной Европе, с самым мягким климатом на таких высоких широтах) и небывалая политическая ситуация. Короче, всё есть, не хватает только идей (впрочем, у него-то и они есть) и умения их реализовывать. Но он, Слава, берётся попробовать.

—После Славы был перерыв, затем выступал Лазутин. Как бы возражая Славе, он сказал, что для реализации крупных проектов в ПГИ нет материальной базы - слаба техническая оснащённость, и ратовал за создание крупных инженерных сил, за автономность отделений и ротацию - поочерёдное правление институтом лидерами обеих (Мурманской и Апатитской) сторон.

—Утверждал (и справедливо, на мой взгляд), что конфликт имеет место не между коллективами, а между мурманской верхушкой и Апатитами, что наука должна быть областью интеллигентных людей, нужно ликвидировать склочность Учёного Совета, изгнать оттуда политиканов, утверждающих базарный стиль, - явно намекая всё на тех же Терещенко-старшего, Волошинова, Горохова, Перцовского.

—Выступавший после Лазутина Терещенко говорил неярко, но достаточно уверенно и чётко, ориентируясь на простой народ: дирекция будет в Мурманске и заниматься она будет в первую очередь благосостоянием рядовых людей - жильём, возможностями подработать в кооперативах прямо при институте и т.д., и т.п.

—Наконец, подошла и моя очередь. Довольно правдоподобно, а, впрочем, и искренне пролив горячие слёзы по поводу морального климата в институте, ярко отразившегося сегодня в утренних процедурных дебатах (я и сам не ожидал такой сочной картины), я призвал к консолидации на научной основе, на основе общей сверхзадачи - построения в конечном итоге прогностической модели среды - и ионосферы, изучаемой в Мурманске, и магнитосферы, изучаемой в Апатитах, не разделённых, кстати, между собой никакими перегородками. Среда едина, и модель должна быть едина, и институт должен быть единым. И директором должен стать специалист, хорошо разбирающийся и в магнитосферных, и в ионосферных проблемах, способный различить, когда ему лапшу на уши вешают, а когда дело говорят.

— Я не боялся призывать к построению единой модели, я сразу разъяснял, что это не означает призыв ко всем поголовно заняться моделированием, и напоминал, что построение адекватной математической модели явления есть сверхзадача всякой физики, изучающей любые явления как экспериментально, так и теоретически. Математическое моделирование есть средство обобщения результатов наблюдений и экспериментов.

Любое физическое явление мы можем считать понятным, когда в состоянии математически описать его на основе физических законов и спрогнозировать его развитие во времени.

— Поэтому прогностическая модель в своём завершённом виде есть венец исследования любого геофизического явления; но она же и инструмент исследования, она же и предмет исследования; она же и средство для решения разнообразнейших прикладных задач; она же и продукт на продажу - источник финансирования; она же и ориентир для экспериментаторов и наблюдателей - указывает, что важно наблюдать и измерять; она же и связующее средство, обеспечивающее единство рассмотрения сложных комплексных явлений с учётом разнообразных ионосферно-термосферно-магнитосферных взаимодействий.

— 30 января 1989 г., кирха

— Сложной, полной модели нужен комплексный эксперимент, который даёт одновременную информацию о многих параметрах с разных мест, и такая модель предоставляет возможность связи воедино как явлений, так и подразделений, их изучающих. Именно через моделирование я вижу возможность выхода на передовые рубежи мировой науки, поскольку именно в моделировании наши достижения отвечают мировым стандартам.

— Что касается сверхзадачи моей административной политики как директора, то это - создание творческой атмосферы в институте и стимулирование инициативы.

— Наука существует и развивается для людей. И не только для тех, кто будет жить в светлом будущем, о них тоже надо думать, конечно, но в первую очередь нужно думать о тех, кто живёт сейчас. И этим людям, на каком бы месте они не работали, нужно создавать человеческие условия (а это и зарплата, и премии, и жильё, и сервис, и доброжелательное отношение и т.д., и т.п.), чтобы жить и работать им было интересно, чтобы с работы уходить не хотелось. Вот тогда будет и творческая атмосфера и инициативу захочется проявлять, и результаты пойдут.

— Так что главная задача моей программы в целом - консолидация, объединение сотрудников ПГИ в дружный коллектив людей, связанных общей сверхзадачей, доверяющих друг другу и своему руководству; коллектив, которому никакие бури и суббури ни в магнитосфере, ни в ионосфере, ни в институте, ни где бы то ни было ещё, не были страшны, - закончил я своё выступление.

— А какие первоочередные мероприятия Вы провели бы для нормализации атмосферы? - задали мне вопрос.

— Прекратил бы издавать распоряжения, ущемляющие то или иное отделение. Всё само собой успокоится, если специально воду не мутить.

— Скажите, а если Вы не пройдёте в директоры, согласились бы Вы на меньшую должность в ПГИ?

— Я рассмеялся.

— Пивоваров меня уже спрашивал: пошёл бы я к нему в замы, если он победит. Я ему ответил, что ты, мол, победи сначала. Но скорее всего - нет. Да простит меня Пивоваров, что я разглашаю наш разговор. В этом плане секретчик из меня плохой.

— Были ещё какие-то вопросы, но немного, как и к другим кандидатам. Когда я вернулся на место, Пивоваров заметил мне:

— Переигрываешь немного. Ну, да молодой ещё.

— Последним выступал Горохов, упиривший на то, что концентрация ПГИ в Мурманске - это решение ООФА и его надо выполнять. За что он и борется. Горохову вопросов и

вовсе не задавали.

—Общих прений после выступлений кандидатов практически не было. Выступил было в поддержку Терешенко один из его сотрудников, но вслед за ним раздался голос, что в демократических странах в день выборов агитация запрещена, и предложение подвести черту получило поддержку большинства.

—Кончилось заседание собственно голосованием - заполнением бюллетеней и опусканием их в урну. Народ толпился в зале и в кулуарах.

—- Самая яркая речь была у Славы Ляцкого. Ему не в директора надо, а в миссионеры - проповедовать.

—Моё выступление было расценено как второе по эмоциональному заряду.

—От Пивоварова ждали большего. Но результаты голосования предстояло узнать только завтра, после того как проголосуют апатитяне.

—Итак, мурманчане исполнили свой гражданский долг и могли теперь расслабиться и спокойно отдыхать от треволнений. Кандидатам же в директора предстояло тащиться, на ночь глядя, в Апатиты, чтобы с утра повторить там проделанное здесь сегодня. Трём из них - Лазутину, Горохову и Пивоварову повезло: их повезли на "Волге" вместе с представителем ООФА Виктором Кузьмичём Абалакиным, член-корром, директором Пулковской обсерватории, мирно и молчаливо просидевшим весь день в зале во втором ряду. Впрочем, не повезло, а так Горохов распорядился.

—Остальные же поехали институтским автобусом вместе с урной и членами апатитского СТК, приезжавшими на выборы в Мурманск наблюдателями. Тащились не быстрее поезда, зато намёрзлись. Спасибо Козеловым: когда приехали, наконец, в Апатиты, они затащили меня к себе домой, накормили горячим и коньячком угостили. И выговор сделали: зря, мол, я про вопрос Пивоварова сказал, неэтично это. Себе же навредил, подпортил впечатление. Подумав, я согласился с ними. Что-то я и сам тогда почувствовал, что - не то.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)